

Канон revisited

Глеб Морев

Иосиф Бродский: пути литературной легитимации (1962—1965)¹

DOI: 10.53953/08696365_2024_190_6_165

1

Сыгравшее в жизни Иосифа Бродского немаловажную роль знакомство с бывшим летчиком Олегом Шахматовым, вместе с которым он планировал угнать из СССР самолет², произошло в 1957 году в литературном объединении при ленинградской газете «Смена»³ — как и Бродский, Шахматов писал стихи.

Многочисленные в конце 1950-х годов официальные литературные объединения — получившие известность под именем ЛИТО (усеченный вариант

-
- 1 Глава из литературной биографии «Иосиф Бродский: годы в СССР», подготавливаемой автором. Благодарим Юлию Сенину (музей Иосифа Бродского «Полторы комнаты», Санкт-Петербург) за помощь в работе.
  - 2 Подробнее см.: Морев Г. «Побег в Америку»: несостоявшийся угон самолета и литературная биография Иосифа Бродского // Syg.ma*. 2024. 6 мая.
  - * Включен Роскомнадзором в реестр запрещенных сайтов.
  - 3 Лосев Л. Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии. СПб.: Вита Нова, 2010. С. 98. Сведения из справки КГБ от 7 марта 1964 года о знакомстве Бродского и Шахматова, которые цитирует Лосев, дополняют (и возможно, корректируют) воспоминания О.И. Бродович, основанные на рассказе самого Бродского: «[После получения Бродским первой зарплаты на заводе] Осина сослуживцы считали, что ее надо пропить с ними. Ося был другого мнения. За воротами завода его сослуживцы начали его бить. Мимо шел молодой человек — один. “Как? Пятеро (или четверо или шестеро — неважно) на одного?” Вмешался. Бившие разбежались. Спаситель и спасенный познакомились. Оказалось, что спаситель (Олег Шахматов) шел не куда-нибудь, а в “Смену” (газета такая была) на семинар начинающих литераторов. Пошли вместе» (Бродович О. Ося // Звезда. 2019. № 1. С. 189; отметим, что реальный контекст и время встречи, очевидно, нуждаются в уточнении; речь, видимо, идет не о получении первой зарплаты, а о получении расчета на заводе «Арсенал», где Бродский работал учеником фрезеровщика, а затем фрезеровщиком 3-го разряда с 11 апреля 1956 года по 28 декабря 1956 года: Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 99616. Л. 28).

слов «литературное объединение») — представляли собой специфический социокультурный феномен послесталинского периода в СССР. Это были существовавшие при печатных изданиях, высших учебных заведениях или иных советских институциях литературные кружки, в которых начинающие авторы стихов и прозы под руководством «профессионалов» (то есть членов Союза советских писателей) учились «ремеслу» и входили в литературную жизнь. Генетически ЛИТО восходили к раннесоветской «идеологии мастерства», прокламировавшейся Горьким (а затем и Сталиным) с конца 1920-х до 1936 года (когда ее сменили требования «народности» и борьбы с «формализмом») и базировавшейся на утверждении необходимости для молодого поколения советских писателей учиться у «старых мастеров» — писателей с дореволюционным стажем, не всегда удовлетворявших требованиям коммунистической идеологии. В послесталинском СССР эта же идея (пусть и в трансформированном виде: старых мастеров заменили новые советские культурные кадры) стала основой для создания широкой сети кружков литературного мастерства.

По словам историка Петербурга—Ленинграда,

заметным явлением в культурной жизни Ленинграда выглядят многочисленные литературные объединения, появившиеся в конце 1950-х годов.... Литературные объединения... превратились не только в одну из самых распространенных форм вневузовской литературной учебы, но и в своеобразные молодежные творческие клубы... Литературные объединения предоставляли возможность знакомиться с новыми людьми, общаться, обмениваться информацией.

<...> Особенно яркий расцвет такая форма общественной жизни получила во времена так называемой хрущевской оттепели. Многочисленные литературные, поэтические объединения успешно функционировали при редакциях практически всех крупных городских журналов и газет, при дворцах и домах культуры, в институтах, на заводах и фабриках⁴.

По сути, речь идет о выстроенной Советским государством системе литобъединений, призванной поставить под контроль и формализовать активность так называемой творческой молодежи — начинающих авторов, пробующих себя в литературе и/или имеющих амбиции стать профессиональными писателями. Последнее, как известно, в СССР с 1934 года было возможно исключительно в рамках Союза советских писателей СССР (после 1956 года — Союз писателей СССР, далее СП) — институции, созданной по решению Сталина с целью монополизации литературной жизни и создания эффективного механизма идеологического контроля над ней. Лишь становясь членом СП (или аффилированных с ним структур вроде «профессиональной группы» при Литературном фонде СССР) литератор в Советском Союзе мог рассчитывать на регулярную публикацию своих текстов и, соответственно, на возможность жить литературным трудом — получая гонорары за опубликованные вещи. Такая практика фактически узаконивала сложившееся к началу 1930-х годов положение дел, при котором к введенной большевиками сразу после Октябрьского переворота 1917 года политической цензуре добавлялась цензура экономическая — по мере свертывания нэпа, сопровождавшегося сознательным удушением влас-

4 Синдаловский Н. Фольклор внутренней эмиграции. 1969-е—1970-е годы // Нева. 2013. № 7. С. 220–221.

тиями возникших в начале 1920-х годов частных (то есть формально независимых от государства) издательств и периодических изданий⁵, писатель в СССР лишался возможности профессионализации своего труда, если не декларировал полную политическую (а впоследствии и эстетическую) лояльность советской власти и ее социокультурным установкам. Создание СП и разработка механизма членства в нем формализовала ситуацию, при которой статусом «писателя» (или «поэта») обладал лишь автор, получивший соответствующую санкцию государства в виде кооптации в ряды членов СП. В афористическом виде эта беспрецедентная для русской культуры⁶ практика была выражена в ставшем знаменитым обращении судьи Савельевой к подсудимому Бродскому на процессе 1964 года: «Кто причислил вас к поэтам?»⁷, а также в диалоге между нею и Бродским, где Савельева неоднократно использует определение «так называемые» в отношении стихов Бродского:

Судья: Значит, вы думаете, что ваши так называемые стихи приносят людям пользу?

Бродский: А почему вы говорите про стихи «так называемые»?

Судья: Мы называем ваши стихи «так называемые» потому, что иного понятия о них у нас нет⁸.

Членство в ЛИТО представляло собой некую промежуточную ступень между литератором с неофициальным статусом (чья легитимность отрицалась государством) и писателем — членом СП. В представлении властей функция ЛИТО едва ли не в первую очередь заключалась в своего рода «просеивании» литературной молодежи, в результате которого благонадежная, «идеологически выдержанная» ее часть получала возможность дозированных публикаций и впоследствии — при благополучном стечении обстоятельств — вступления в СП, а часть, проявившая себя как не готовая к компромиссам, склонная к политическому и эстетическому радикализму и, следовательно, «неблагонадежная» — отсеивалась как «недостойная» звания советского писателя и, по мысли властей,

-
- 5 См. об этом: *Блум А.В.* Частные и кооперативные издательства двадцатых годов под контролем Главлита: (По архивным документам 1922—1929 гг.) // Книга: Исследования и материалы. М.: Книжная палата, 1993. Сб. 66. С. 175—191.
  - 6 См. об этом: *Морев Г.* «Нет литературы и никому она не нужна»: К истории писательского самоопределения в России, 1917—1926 // *Un Radioso Avvenire? L'impatto della Rivoluzione d'Ottobre sulle scienze umane / A cura di E. Mari, O. Trukhanova, M. Valeri.* Roma: Edizioni Nuova Cultura, 2019. P. 179—214.
  - 7 *Вигдорова Ф.* Право записывать. М.: АСТ, 2017. С. 212. Эти же представления до поры разделялись и в семье Бродского. Ср. в воспоминаниях Г.И. Гинзбурга-Воскова, относящихся к лету 1960 года: «...он [А.И. Бродский] прочел мне лекцию, что Иосифу надо работать, а не бить баклуши. Я говорю: “Александр Иванович! Иосиф — поэт!” И тут Александр Иванович выдал перл: “Какой он поэт! Поэт — это тот, кто в газете печатается!”» (Звезда. 2011. № 1. С. 112).
  - 8 *Вигдорова Ф.* Право записывать. С. 217. Ср. эксплицирующую логику советских инстанций формулировку в приговоре также формально осужденного народным судом в Москве в апреле 1966 года за «тунеядство» поэта Владимира Батшева, члена московской поэтической группы СМОГ и участника правозащитной демонстрации 5 декабря 1965 года на Пушкинской площади: «В течение последних полутора лет Батшев не работал, а занимался так называемой литературной деятельностью, не являясь членом Союза писателей» (За что сослан Батшев? // Грани. 1967. № 63. С. 9—10). Механика дела Батшева и приговор (5 лет ссылки) идентичны делу Бродского. Батшев был так же, как и Бродский, освобожден досрочно (в 1968 году).

оставалась таким образом вне литературы. Забегая вперед, можно констатировать иллюзорность этих представлений: именно ЛИТО стали во многом той инстанцией, которая de facto разделяла поток литературной молодежи на будущих «официалов» (то есть авторов, кооптированных в советскую литературную систему) и «неофициалов/неформалов/нелегалов» (будущих создателей неофициальной советской литературы, вкладчиков самиздата и тамиздата).

Несмотря на партийную установку на «контроль», практика работы ЛИТО давала широкому кругу пишущих молодых людей уникальную в советских реалиях возможность относительно свободной творческой реализации в рамках признанной государством, но не слишком тщательно (в силу массовости участников) контролируемой им институции.

Лито и группы, с руководителями или без них, существовали во многих вузах города. Главным образом в технических: в Политехническом, Технологическом, Электротехническом... Дело в том, что в 1951—1953-м, в последние годы сталинского режима, в технических вузах идеологическое давление было чуть меньше, и туда шли, сознательно или инстинктивно, те, кто искал хотя бы минимума нерабства и недогматизма, в том числе — парадокс! — люди гуманитарного склада ума⁹.

В условиях недоступности для абсолютного большинства молодых авторов печатного станка особую ценность приобретала возможность «легализации» своих текстов путем публичного чтения — именно такие чтения, сопровождаемые критическим обсуждением товарищей, были основной формой работы ЛИТО. Часто из пределов собственно ЛИТО чтения выносились на более крупные общедоступные площадки — например, в домах культуры или больших институтских аудиториях.

Происходили общегородские вечера студенческой поэзии. В актовом зале Политехнического института. На первом таком вечере в ноябре 1954-го в течение трех часов больше тысячи студентов — и политехников и гостей — слушали нас, выступавших. Читали человек тридцать. Через год был второй такой вечер¹⁰.

Один из участников ленинградских ЛИТО 1950—1960-х годов Эдуард Шнейдерман вспоминал:

И тогда и в дальнейшем легализация написанного происходила почти исключительно через чтения — квартирные, в институтах и студенческих общежитиях, в поэтических кафе и НИИ. ...чтения были для нас едва ли не единственной возможностью познакомить многочисленных в ту пору любителей поэзии, жаждавших свежего поэтического слова, со своей работой. Ибо печатали — эпизодически, жалкие крохи...¹¹

9 Британишский В. Студенческое поэтическое движение в Ленинграде в начале оттепели // Новое литературное обозрение. 1995. № 14. С. 167—168. О роли ЛИТО в поэтическом движении в Ленинграде периода оттепели см. также: Lygo E. The need for new voices: Writers' Union policy towards young writers 1953—64 // The Dilemmas of De-Stalinization: Negotiating cultural and social change in the Khrushchev era / Ed. by P. Jones. London; New York: Routledge, 2006. P. 193—208.

10 Британишский В. Студенческое поэтическое движение в Ленинграде в начале оттепели. С. 168.

11 Шнейдерман Э. Пути легализации неофициальной поэзии в 1970-е годы // Звезда. 1998. № 8. С. 194.

Именно как участник такого рода публичных поэтических чтений получил первую литературную известность юный Иосиф Бродский.

2

С.С. Шульц вспоминает о выступлении Бродского в феврале 1961 года на вечере молодых поэтов во Всесоюзном нефтяном геологоразведочном институте (ВНИГРИ) в Ленинграде:

Выступавших было довольно много — человек 15. И только во второй половине вечера ведущий объявил: «Иосиф Бродский!» Зал сразу зашумел, и стало ясно, что этого поэта знают и его выступления ждут. <...> Когда он кончил — мгновенное молчание, а потом — шквал аплодисментов. Крики с мест, показывавшие, что стихи его уже хорошо знали:

— «Одиночество»!

— «Элегию»!

— «Пилигримов»!

— «Пилигримов»!¹²

Не будет преувеличением сказать, что литературная известность двадцатилетнего Бродского носила во многом скандальный характер. Так, за год до чтения во ВНИГРИ, 11 февраля 1960 года, грандиозным скандалом закончилось его выступление на «турнире поэтов» в Доме культуры имени М. Горького, организованном ЛИТО «Нарвская застава». Бродский, не согласовав заранее с организаторами вечера, прочитал стихотворение «Еврейское кладбище около Ленинграда» (1958). Это вызвало протест присутствовавшего в зале поэта Глеба Семенова, поддержанного частью аудитории. В ответ, по воспоминаниям Я.А. Гордина, Бродский демонстративно прочитал «Стихи под эпитафией» (1958; эпитафия гласил: «Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку»)¹³. В результате возглавляемое поэтессой Натальей Грудиной жюри вынуждено было «выступление Иосифа осудить и объявить его как бы не имевшим места»¹⁴. В марте скандал вышел на уровень городского комитета партии. В центре внимания партийного руководства были, разумеется, не конкретные стихи Бродского, прочитанные на вечере, а созданный им прецедент *бесконтрольного* публичного выступления, сводивший на нет цензурскую функцию ЛИТО.

Вечер был подготовлен очень плохо. <...> [Читались] антисоветские произведения. Эти произведения не читались в литобъединении, и никто из руководителей о них не знал (курсив наш. — Г.М.). <...> Бюро Горкома осудило такую практику работы с молодыми¹⁵.

12 Шульц-мл. С. Иосиф Бродский в 1961—1964 годах // Мир Иосифа Бродского: Путеводитель / Сост. Я. Гордин. СПб.: Звезда, 2003. С. 347.

13 Аналогичным образом этот эпизод освещен и в фельетоне А. Ионина, Я. Лернера и М. Медведева «Окололитературный трутень».

14 Гордин Я. Дело Бродского // Нева. 1989. № 2. С. 137.

15 Из выступления В.Б. Азарова на заседании бюро партийной организации ленинградского отделения СП 22 марта 1960 года: *Золотоносов М.Н.* Гадюшник. Ленинградская писательская организация: избранные стенограммы с комментариями (Из истории советского литературного быта 1940—1960-х годов). М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 672.

27 мая 1960 года эти же упреки в адрес организаторов вечера повторил на закрытом партсобрании секретарь партийной организации ленинградского отделения СП А.Н. Чепуров:

В отдельных случаях читались и пошлые, и прямо идейно сомнительные произведения! Здесь, конечно, виноваты и устроители — библиотека Дворца культуры и коммунисты из нашей комиссии по работе с молодыми. <...> По этому вопросу состоялось специальное решение горкома партии, которое обязывает Союз писателей усилить руководство кружками. Партийное бюро вместе с горкомом комсомола провело специальное совещание, посвященное состоянию работы в этих низовых литературных коллективах¹⁶.

Последующие попытки Бродского продемонстрировать свою поэтическую работу уже непосредственно на площадке Союза писателей также вели к конфликтам — 10 мая 1962 года на заседании секции поэзии Ленинградского отделения СП он читает только что законченную поэму «Зофья»; обсуждение текста вылилось в скандал, причем Бродский, по воспоминаниям одного из функционеров СП, поэта Николая Брауна, «демонстративно ушел с секции, уводя за собой целый хвост каких-то девиц и парней — своих друзей; иначе говоря, он отказался выслушать все то, что мы хотели сказать ему»¹⁷.

При этом, что существенно, Бродский, часто выступавший на площадках различных литературных объединений, формально не принадлежал ни к одному из них и, таким образом, с точки зрения партийного начальства оставался «абсолютно бесконтрольным»¹⁸. С одной стороны, он пользовался предоставлявшимися членам ЛИТО возможностями «опубликования» своих текстов, но с другой — демонстративно пренебрегал гласными и негласными правилами членства в ЛИТО, следование которым и давало кружковцам в перспективе надежду на легитимацию литературной деятельности в рамках СП, — прежде всего, отказываясь признавать за советскими литературными институциями право быть «обучающей» письму инстанцией. Эта специфическая репутация молодого Бродского, не вписывавшегося в устоявшийся контекст советской литературной жизни, зафиксирована в воспоминаниях А.Г. Наймана:

И вот приходит 18-летний юноша, мальчишка, про которого уже известно, что он громок, что он там выступал, сям выступал, оттуда его выгнали, здесь не знали, что с ним делать¹⁹.

Оперативные данные, получаемые КГБ (очевидно, в рамках заведенного в отношении Бродского после ареста в январе 1962 года дела оперативной разработки, ДОР) — то есть донесения осведомителей КГБ из окружения Бродского — говорили о принципиальном характере занимаемой им позиции. В сочетании со все возрастающей известностью среди литературной молодежи это с точки зрения органов безопасности становилось неприемлемым — подтверждая выводы о политической неблагонадежности Бродского, сделанные

16 Там же.

17 Цит. по: Шнейдерман Э. Круги по воде (Свидетели защиты на суде над Иосифом Бродским перед судом ЛО Союза писателей РСФСР) // Звезда. 1998. № 5. С. 189.

18 Золотоносов М.Н. Гадюшник. С. 673.

19 Полухина В. Бродский глазами современников. СПб.: Звезда, 1997. С. 32.

КГБ на основании полученных во время обыска 29 января 1962 года материалов (стихов и дневника Бродского 1956 года). Так, в справке начальника ленинградского КГБ В.Т. Шумилова (1964) при рассказе о поведении Бродского после ареста в начале 1962 года особо отмечалось, что

БРОДСКИЙ еще активнее стал распространять свои враждебные стихи среди молодежи. Среди определенной части молодежи о нем говорят как о «кумиде» подпольной литературы. В сентябре 1962 г. БРОДСКИЙ заявил (данные оперативные): «...Мне не нужно признание партийных ослов, у меня есть 50—60 друзей, которым нужны мои стихи»²⁰.

Характерно, что именно отказ от признания патронирующей функции ЛИТО (как официальной советской институции) ставился Бродскому в вину в написанном под диктовку КГБ фельетоне «Окололитературный трутень», публикация которого в газете «Вечерний Ленинград» 29 ноября 1963 года сигнализировала о старте завершающего этапа операции КГБ по нейтрализации Бродского, в общих чертах продуманной, как мы показали в другом месте²¹, еще к лету 1962 года:

Бродский посещал литературное объединение начинающих литераторов, занимающихся во Дворце культуры имени Первой пятилетки. Но стихотворец в вельветовых штанах решил, что занятия в литературном объединении не для его широкой натуры. Он даже стал внушать пищущей молодежи, что учеба в таком объединении сковывает-де творчество, а посему он, Иосиф Бродский, будет карабкаться на Парнас единолично²².

Ключевым элементом этой риторической конструкции, восстанавливающим актуальный для властей идеологический и политический контексты преследования Бродского, является (многократно повторенная в фельетоне) метафора «карабкаться на Парнас». Это словосочетание отсылало к «установочной» статье газеты «Известия» «Бездельники карабкаются на Парнас», опубликованной 2 сентября 1960 года. Написанная по заданию КГБ, статья заведующего литературным отделом «Известий» Ю.Д. Иващенко ставила целью дискредитацию издателя московского самиздатского журнала поэзии «Синтаксис» Александра Гинзбурга, к моменту выхода статьи арестованного и обвиненного в антисоветской деятельности, заключавшейся, по сути, в нарушении государственной монополии на публикацию. По меткому замечанию А.К. Жолковского, «недопустимыми были не сами тексты [“Синтаксиса”], а процесс и способ их издания. Власть над словом, которую монополистическая, тоталитарная власть просто не могла позволить никому другому»²³. Знаменательным образом редакторская деятельность Гинзбурга и творчество публикуемых им авторов, охарактеризованные как «бездельничанье», противопоставлялись в статье «настоящему» творческому «труду» (разумеется, в рамках официального советского искусства). Термин «тунеядство» в статье не употреблялся,

20 ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 99616. Л. 37.

21 См.: Морев Г. «Побег в Америку»...

22 Ионин А., Лернер Я., Медведев М. Окололитературный трутень // Вечерний Ленинград. 1963. 29 ноября. № 281. С. 3.

23 Александр Гинзбург: Русский роман / Авт.-сост. В. Орлов. М.: Русский путь, 2017. С. 74—75.

но можно констатировать, что в целом она находится в рамках идеологии, вскоре породившей такую юридическую новеллу, как указ от 4 мая 1961 года.

Бродский в статье Иващенко не упоминался. Однако в КГБ были прекрас-но осведомлены о его участии в «нелегальном журнале» Гинзбурга: в третьем номере «Синтаксиса», вышедшем в апреле 1960 года и посвященном ленинградской поэзии, были опубликованы пять стихотворений Бродского²⁴. По воспоминаниям Н.Е. Горбаневской, Бродский впоследствии называл Гинзбурга «мой первый издатель»²⁵ — публикация в «Синтаксисе», действительно, была первой «институциональной» публикацией Бродского, «с гордостью» демонстрировавшего в Ленинграде машинописный экземпляр журнала друзьям²⁶.

С «Синтаксисом» связана, однако, не только первая публикация Бродского, но и его первый контакт с органами госбезопасности. После ареста Гинзбурга 14 июля 1960 года Бродский, как и многие другие авторы журнала, был вызван в КГБ «для беседы». По словам начальника ленинградского КГБ Шумилова, «во время этой беседы Бродский вел себя вызывающе. Он был предупрежден, что если не изменит своего поведения, то к нему будут приняты более строгие меры»²⁷. Отсылка к истории с «Синтаксисом» в ленинградском фельетоне 1963 года, вкупе с информацией в справке Шумилова о контактах Бродского с «Синтаксисом» и «с группой московской молодежи, издававшей нелегальный литературный сборник “Феникс”»²⁸, показывает, что этот (идеологически связанный с кампанией по «борьбе с туеядством») контекст не утратил актуальности для КГБ, усугубляя и без того в высшей степени проблемное положение Бродского после истории с несостоявшимся угоном самолета и, вероятно, изначально определяя направление, выбранное госбезопасностью для удара по поэту.

Отказ Бродского считаться с официально утвержденной монополией СП на литературное признание базировался, с одной стороны, на бунтарском духе

24 «Еврейское кладбище около Ленинграда», «Пилигримы», «Стихи о принятии мира», «Земля» и «Дойти не томом...». Кроме стихов Бродского в третий номер «Синтаксиса» вошли стихи Д. Бобышева, Г. Горбовского, В. Голявкина, М. Еремина, С. Кулле, А. Кушнера, Е. Рейна, Н. Слепаковой и В. Уфлянда. В июле 1961 года «Пилигримы» и «Еврейское кладбище около Ленинграда» открывали московский самиздатский «Литературный альманах № 1», составленный В.С. Муравьевым и Г. Недгаром.

25 *Полухина В.* Иосиф Бродский глазами современников. Кн. 2 (1996—2005). СПб.: Звезда, 2006. С. 234.

26 По воспоминаниям И.П. Смирнова: *Полухина В.* Иосиф Бродский глазами современников. Кн. 3 (2006—2009). СПб.: Звезда, 2010. С. 70.

27 ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 99616. Л. 35. К посещению Бродским Управления КГБ по Ленинградской области на Литейном проспекте, 4 (так называемый Большой дом) отсылает, очевидно, локализация в «Петербургском романе» (1961, гл. 7: «Литейный, бежевая крепость, / подъезд четвертый кГБ»). Встречающаяся в различных источниках информация о кратковременном аресте Бродского по делу «Синтаксиса» не соответствует действительности.

28 Там же. Л. 37. Сборник «Феникс» был составлен поэтом Юрием Галансковым весной 1961 года; Бродский в нем участия не принимал. В части, касающейся связей Бродского с московскими литературными кругами, справка Шумилова грешит ошибками в датах; не исключено, что информация о круге «Феникса» была добавлена в нее бесосновательно, с целью усугубления впечатления о широте антисоветских контактов Бродского.

одного из радикальных представителей «поколения 1956 года»²⁹, сформированного травмой от жестокого подавления осенью советскими войсками венгерского восстания против коммунистического правительства и тогда же решившего «не принимать» окружающий социум:

Однажды зимой 1958 г. мы возвращались с Бродским после вечерних занятий по домам, лежавшим на одной и той же городской оси, вися на подножке 47-го. Когда автобус вырулил на мост через Неву, Бродский прокричал мне: «Я решил не принимать». Грамматический объект назван не был. Но намек на фразу Маяковского, заявившего, что для него, как и для прочих московских футуристов, не стоял вопрос о том, принимать или нет большевистскую революцию, было не трудно расшифровать³⁰.

Другой причиной занятой Бродским по отношению к советской литературе непримиримой позиции стало обретение им альтернативных источников писательской легитимации.

Летом 1961 года³¹ Бродский познакомился с Анной Ахматовой.

3

Взаимоотношениям Ахматовой и Бродского, фактология которых суммирована Р.Д. Тименчиком³², посвящена обширная научная литература³³. Основ-

-
- 29 Ср. свидетельство Е.Г. Эткинды: «Сам Иосиф Бродский говорил, что решающее значение для формирования его личности имела Венгрия, 1956 г.» (1974; цит. по: История политического преступления: Сб. материалов и публикаций / Сост. Н. Лисицкая. СПб., 2004. С. 36). См. также данную в контексте разговора о Бродском автохарактеристику Н.Е. Горбаневской: «Наше поколение, поколение 56 года» (*Полухина В.* Бродский глазами современников. С. 96). Поэтическая формула отношения «поколения 1956 года» к венгерским событиям дана, например, в стихотворении Николая Шатрова «В пути» (1956): «Стуча железом по железу, / Мой поезд движется к Москве. / А в Будапеште Марсельезу / Поют в победном торжестве. // Зачем не мог я вместе с ними / Сквозь пули песню развернуть? / Стихами меткими моими / Прострелена России грудь. // Но чудо! Так пылает сердце, / Что расплавляется свинец. / За нас за всех поют венгерцы. / Советской музыке конец» (цит. по: *Орлов В.* «Я не стану просить заседательской жалости...»: К истории ареста Леонида Черткова // *Рема. Rhema.* 2020. № 4. С. 228).
- 30 *Смирнов И.П.* Свидетельства и догадки. СПб.: Звезда, 1999. С. 94. О свойственном «поколению 1956 года» крайнем антисоветизме см., например, свидетельство И.М. Губермана (кстати, привезшего из Ленинграда стихи Бродского для публикации в «Синтаксисе»: Александр Гинзбург: Русский роман С. 79; несколько лет спустя в своей книге «Третий триумvirат» (М.: Детская литература, 1965) Губерман поместит без указания автора отрывки из стихотворения Бродского «Стихи об испанце — Мигуэле Сервете, еретике, сожженном кальвинистами») об одном из наиболее ярких его представителей — Юрии Галанскове: «...о советской власти он говорил так, как все остальные о фашизме, утверждал, что наши функционеры не люди...» (Там же. С. 70).
- 31 Е.Б. Рейн называет дату 7 августа: *Рейн Е.* Сотое зеркало (Запоздалые воспоминания) // *Свою меж вас еще оставив тень...* М.: Наследие, 1992. С. 112. (Ахматовские чтения. Вып. 3).
- 32 *Тименчик Р.* Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // *И.А. Бродский: Pro et contra* / Сост. О.В. Богдановой, А.Г. Степанова; предисл. А.Г. Степанова. СПб.: РХГА, 2022. Т. 2. С. 641—671.
- 33 Подробную библиографию см. в итоговой теме монографии Д.Н. Ахалкина «Иосиф Бродский и Анна Ахматова: В глухонемой вселенной» (М.: АСТ, 2021).

ным предметом дебатов при освещении этого сюжета является вопрос о природе влияния, которое личность и творчество Ахматовой оказали на молодого Бродского, — было ли это влияние поэтическим (литературным) или лежащим по преимуществу в сфере «человеческого».

Сам Бродский, говоря об отношениях с Ахматовой, многократно (хотя иногда и с оговорками) утверждал последнее, делая акцент именно на личности Ахматовой: «Не думаю, что она оказала на меня [литературное] влияние. Она просто великий человек», — сформулировал он в первом же публичном обращении к ахматовской теме в интервью лета 1973 года³⁴. Позднее, в 1986 году, в посвященном Ахматовой разговоре с Натальей Рубинштейн Бродский добавляет к уже сложившемуся у него к этому времени нарративу о знакомстве с Ахматовой (как известно, сама она называла такие устные мемуарные конструкции «пластинками») одну существенную деталь, позволяющую, как кажется, понять специфический контекст того «величия», о котором применительно к Ахматовой он всегда говорит.

На протяжении двух или трех месяцев... я продолжал наезжать в Комарово, либо сам, либо с кем-нибудь из моих друзей, и навещал Анну Андреевну. Но это носило характер скорее вылазок за город, нежели общения с великим поэтом. Во время этих встреч я показывал Анне Андреевне свои стихотворения, которые она хвалила, она мне показывала свои. То есть чисто профессиональный поэтический контакт имел место. Это действительно носило скорее характер поверхностный. Пока в один прекрасный день, возвращаясь вечером из Комарово в переполненном поезде, набитом до отказа — это, видимо, был воскресный вечер. Поезд трясло, как обычно, он несся на большой скорости, и вдруг в моем сознании всплыла одна фраза, одна строчка из ахматовских стихов. И вдруг я в какое-то мгновение, видимо, то, что японцы называют сатори или откровение, я вдруг понял, с кем я имею дело. Кого я вижу, к кому я наезжаю в гости раз или два в неделю в Комарово. Вдруг каким-то образом все стало понятным, значительным. То есть произошел некоторый, едва ли не душевный, переворот³⁵.

На уточняющий вопрос интервьюера, какая строчка имеется в виду, Бродский отвечает цитатой из «Пятой Северной элегии» Ахматовой: «Меня, как реку, / Суrowая эпоха повернула».

Р.Д. Тименчик справедливо отмечает, что Бродского, «поклонявшегося Баратынскому», мог привлечь «выразительный стиховой перенос, кажется, nasledующий свою семантику из enjambement'ов Баратынского»³⁶. В то же время существенно, что «Пятая Северная элегия» (1945) — один из главных автометаописательных текстов Ахматовой, в центре которого стоит проблематика *поэтической биографии* в том специфическом ракурсе, какой придавали ей

34 Муза в изгнании. [Интервью Анн-Мари Брум] / Пер. с англ. Л. Бурмистровой // Бродский И. Книга интервью / Сост. В. Полухиной. М.: Захаров, 2007. 4-е изд., испр. и доп. С. 38. Впервые: Mosaic: A Journal for the Comparative Study of Literature and Ideas. 1974. Vol. VIII. No. 1.

35 Иосиф Бродский: «Ахматова учит сдержанности» // BBC News. Русская служба*. 2015. 23 мая. Текст интервью в сокращении см.: Два радиointервью с Иосифом Бродским // Иерусалимский журнал. 2001. № 9. С. 169—171.

* Включен Роскомнадзором в реестр запрещенных сайтов.

36 Тименчик Р. Последний поэт: Анна Ахматова в 60-е годы. М.; Иерусалим: Мосты культуры / Гешарим, 2014. 2-е изд., испр. и расш. Т. 1. С. 360.

обстоятельства российской истории после 1917 года, где Поэт оказывался не только противопоставлен пореволюционной «суровой эпохе», но и «объективно» становится ее жертвой («мне подменили жизнь»). При этом финальной (и главной) смысловой точкой стихотворения Ахматовой является ее кажущийся парадоксальным отказ от признания себя исключительно объектом государственного насилия и утверждение своей *победительной субъектности*³⁷ и неповторимой *ценности* (в том числе творческой) сложившейся во враждебных обстоятельствах биографии, противопоставленной абстрактно-благополучной «несостоявшейся жизни» («Но если бы откуда-то взглянула / Я на свою теперешнюю жизнь, / Узнала бы я зависть, наконец...»). Представляется, что именно понимание внешних обстоятельств как материала, в противоборстве с которым (во многом таинственно) строится неординарная биография Поэта, сохраняющего независимость — личностную и творческую — и вопреки всему утверждающего таким образом свое «величие», привлекло молодого Бродского (после 1956 года сделавшего, как мы помним, выбор в пользу отказа от принятия советских «правил игры») в этом тексте и — шире — в фигуре Ахматовой. Она стала для него персонификацией фигуры Поэта («великого поэта») в традиции, актуальной для русской культуры со времен Пушкина — как некоей высшей нравственной инстанции, равной верховной власти и ведущей с ней (зачастую полемический) диалог. Обучение языку этого диалога и стало для Бродского важнейшим уроком, полученным им у Ахматовой, — и именно об этом, как представляется, он говорил, вспоминая Ахматову, Соломону Волкову:

Мы шли к ней, потому что она наши души приводила в движение, потому что в ее присутствии ты как бы отказывался от себя — от того душевного, духовного — да не знаю уж как там это называется — уровня, на котором находился — от «языка», которым ты говорил с действительностью, в пользу «языка», которым пользовалась она³⁸.

37 Характерно акцентирование Ахматовой этого же качества в ее концепции социальной биографии Пушкина: «Он победил и время и пространство» («Слово о Пушкине», 1961; опубл.: Звезда. 1962. № 2). Современники с готовностью считывали эти авторопроекции — думается, именно с учетом ахматовских слов о Пушкине сделана 24 ноября 1962 года дневниковая запись К.И. Чуковского: «Сталинская полиция разбила об Ахматову... Обывателю это, пожалуй, покажется чудом — десятки тысяч опричников, вооруженных всевозможными орудиями пытки, револьверами, пушками — напали на незащищенную женщину, и она оказалась сильнее. Она победила их всех. Но для нас в этом нет ничего удивительного. Мы знаем: так бывает всегда. Слово поэта всегда сильнее всех полицейских насильников» (*Чуковский К. Дневник (1930—1969) / Сост., подгот. текста, коммент. Е.Ц. Чуковской. М.: Современный писатель, 1994. С. 328*). Эксплицированный Чуковским актуальный политический подтекст слов Ахматовой о Пушкине был прозрачен и для властей — уже в следующем, 1963-м, году попытка А.И. Гитовича печатно повторить со ссылкой на Ахматову ее тезис «Императоры уходят, а поэзия остается» встретила противодействие цензуры (см.: *Тименчик Р. Последний поэт. Т. 1. С. 326*). Ср. также название первоначально — в последние годы жизни Ахматовой — предполагавшейся А.В. Белинковым в составе задуманной им трилогии о судьбах русской интеллигенции в ее противостоянии советскому режиму книги о ней — «Победа Анны Ахматовой» (*Белинков А. Победа Анны Ахматовой: Из незавершенной книги // Новый Колокол: лит.-публицист. сб. Лондон: The New Bell, 1972. С. 422*). «Можно с гордостью констатировать, что победила Ахматова, а не Жданов», — подводил итог в 1967 году Ю.П. Анненков (*Анненков Ю.П. Об Ахматовой в СССР // Возрождение. 1967. № 184. С. 128*).

38 *Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М.: Независимая газета, 2000. С. 256.*

Именно влиянием поведенческого языка Ахматовой определяются, на наш взгляд, сложившиеся у Бродского как раз в годы общения с ней ключевые нравственно-эстетические принципы — отказ «чувствовать себя жертвой»³⁹, отказ от «драматизации» угнетающих внешних обстоятельств⁴⁰ и признание «независимости» высшей ценностью⁴¹. Отношение к Ахматовой как к обладающему полнотой Знания учителю зафиксировано в письме Бродского Я.А. Гордину от 20 ноября 1964 года — советуя Гордину показать Ахматовой рукопись о декабристах, он замечает: «Она знает (и) об этом больше всех»⁴². В 1990 году Бродский подытожит: «Ей я обязан девяноста процентами взглядов на жизнь»⁴³.

Характерно, что вызвавшее у поэта «душевный переворот» стихотворение Ахматовой, написанное в 1945 году, в момент чтения его Бродским не было опубликовано⁴⁴. Ситуация как бы наглядно воспроизводила для молодого автора целостную картину существования поэзии в СССР — ранее нарисованную самой Ахматовой (чьи слова задокументировал сексот госбезопасности): «Участь русской поэзии — быть на нелегальном положении. Печатают макулатуру — Симонова, а Волошина, Ходасевича, Мандельштама — нет»⁴⁵.

Все это не могло не оказать самого существенного воздействия на выбор Бродским модели литературного поведения; огрубляя, этот выбор может быть описан так: или «быть на нелегальном положении», как Ахматова, или идти путем заурядного советского стихотворца, пробиваясь в печать с помощью компромиссов. Для двадцатилетнего Бродского ответ был очевиден.

4

Социокультурный выбор, осуществленный Бродским и еще несколькими ленинградцами (Дмитрием Бобышевым, Анатолием Найманом, Евгением Рейном), составившими в 1961—1964 годах ближайшее литературное окружение Ахматовой (называвшей эту группу молодых поэтов «волшебным хором»⁴⁶ и соотносившей ее с группой акмеистов, к которой когда-то принадлежала она сама⁴⁷), находил ощутимую поддержку с ее стороны. По воспоминаниям А.Г. Наймана, «Ахматова однажды назвала нас “аввакумовцами” — за неже-

39 Мейлах М. Поэзия и миф: Избранные статьи. М.: Языки славянской культуры, 2017. С. 836 («Т.М. Литвинова... вспомнила, среди прочего, что в критический момент жизни Павла Литвинова, когда тому грозил арест (в конце 1967 — начале 1968 года. — Г.М.), Бродский просил ее передать ему пожелание — “не чувствовать себя жертвой”»).

40 Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. С. 76.

41 «Будь независим. Независимость — лучшее качество, лучшее слово на всех языках» (из письма Я.А. Гордину от 13 июня 1965 года: Гордин Я. Рыцарь и смерть, или Жизнь как замысел. О судьбе Иосифа Бродского. М.: Время, 2010. 27).

42 Архив Я.А. Гордина (СПб.).

43 Бродский И. Книга интервью. С. 521 (впервые: Неделя. 1990. № 9).

44 Впервые (в сокращении) опубликовано: Литературная Россия. 1964. 24 января. С. 15.

45 Цит. по: Калугин О. Дело КГБ на Анну Ахматову // Госбезопасность и литература: На опыте России и Германии (СССР и ГДР). М.: Рудомино, 1994. С. 76.

46 Иосиф Бродский: «Ахматова учит сдержанности».

47 Ср. дневниковую запись Томаса Венцловы, зафиксировавшую слова Ахматовой: «Поэты круга Бродского — одна школа, как были когда-то мы, акмеисты» (Венцлова Т. Статьи о Бродском. М.: Новое издательство, 2005. С. 136).

вание идти ни на какие уступки ради возможности опубликовать стихи и получить признание Союза писателей»⁴⁸.

Ситуация этико-политического выбора, в которую были поставлены и Бродский, и остальные члены «волшебного хора», имела для Ахматовой свойства автопроекции — после большевистского переворота 1917 года ей самой пришлось делать подобный выбор, причем уникальная позиция «самоустранения... из [советской] литературной жизни»⁴⁹, которую она окончательно заняла к середине 1920-х годов, характеризовалась беспрецедентным для тогдашних писательских кругов радикализмом, распространявшимся и на участие в официальных литературных институциях. В 1929 году в знак протеста против травли Е.И. Замятина и Б.А. Пильняка Ахматова выходит из Всероссийского союза писателей. В 1934 году она — *единственная* из сколько-нибудь заметных писателей, живущих в СССР, — не подает заявления на вступление в создаваемый Сталиным Союз советских писателей⁵⁰. Несмотря на некоторое формальное смягчение (вызванное инициативами власти в 1939 году) этой позиции, Ахматова вплоть до конца жизни сохраняет внутреннее дистанцирование от официального литературного мира, даже в биографии Мандельштама, позиционируемого ею с конца 1950-х годов в качестве ближайшего литературного соратника, отказываясь принимать и понимать его усилия по интеграции в СП в 1937—1938 годах⁵¹. Политическая составляющая ее влияния на Бродского эксплицировалась самой Ахматовой в дружеском кругу (в контексте преследований молодого поэта властями): «Будут говорить: он антисоветчик, потому что его воспитала Ахматова. “Ахматовский выкормыш”»⁵².

Определяющее для дальнейшей судьбы Бродского и для его (само)позиционирования в литературном поле 1960-х годов влияние патронажа Ахматовой — с одной стороны, со всей присущей ей системой политических и эстетических пристрастий и с другой — с выработанной ею уникальной моделью автономного существования в советской литературе — становится особенно отчетливо на фоне одновременно развивающихся литературных карьер его

48 *Найман А.* Рассказы о Анне Ахматовой. М.: Художественная литература, 1989. С. 73.

49 *Морев Г.* Осип Мандельштам: фрагменты литературной биографии (1920—1930-е годы). М.: Новое издательство, 2022. С. 59. Подробнее о литературной позиции Ахматовой в 1920—1940 годы см.: Там же. С. 51—64.

50 «Заявления о принятии в СП написали буквально все писатели. Не осталось ни одного писателя, за исключением Анны Ахматовой, которые не подали бы заявления в Союз. Только она одна не подала такого заявления», — докладывал 15 августа 1934 года секретарь Оргкомитета СП П.Ф. Юдин высшему партийному руководству страны в лице ответственного за подготовку съезда писателей секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Жданова (*Максименков Л.* Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932—1946) // Вопросы литературы. 2003. № 4. С. 247). Сама Ахматова, сколько можно судить, не делала разницы между советскими писательскими институциями разных лет: «Когда в 29 году началась травля Евгения Ивановича Замятина, я вышла демонстративно из Союза, вернулась туда только в 40-м году», — говорила она Л.В. Шапориной в 1947 году, после ее исключения из СП в 1946-м (*Шапорина Л.* Дневник / Вступ. статья В.Н. Сажина, подгот. текста, коммент. В.Ф. Петровой и В.Н. Сажина. М.: Новое литературное обозрение, 2013. Т. 2. С. 38).

51 «Непонятым упорством» называет Ахматова в воспоминаниях о Мандельштаме его усилия по организации авторского вечера в СП в 1937 году («Листки из дневника»; подробнее см.: *Морев Г.* Осип Мандельштам. С. 204).

52 *Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой. М.: Согласие, 2013. Т. 3 (1962—1965). С. 116 (запись от 2 декабря 1963 года).

сверстников и знакомых, также пользовавшихся поддержкой авторитетных фигур из числа советских классиков с дореволюционным «стажем». Прежде всего мы имеем в виду молодого (на четыре года старше Бродского) ленинградского поэта Виктора Соснору⁵³.

Спустя два дня после того, как органы милиции по предписанию КГБ вынесли Бродскому «предупреждение о трудоустройстве», 21 июля 1962 года в газете «Вечерний Ленинград» появилась анонимная заметка о выходе в Ленинграде нового поэтического сборника — «Первая книга поэта-слесаря»:

Ленинградское отделение издательства «Советский писатель» выпустило первую книгу стихов Виктора Сосноры «Январский ливень».

Автор работает слесарем на Невском машиностроительном заводе имени В.И. Ленина. Известный советский поэт Николай Асеев написал в предисловии: «Соснора привлек мое внимание стихами, не похожими на обычные, часто печатаемые». И действительно, читатель найдет в книге поэзию своеобразную, самобытную, хотя голос поэта подчас резковат.

Второй раздел книги, названный «За Изюмским бугром», написан по мотивам «Повести временных лет» и «Слова о полку Игореве»⁵⁴.

Этот газетный текст с замечательной полнотой описывает сценарий литературной легитимации, полностью противоположный выбранному Бродским.

Начать с того, что отчетливо педалируемая (вынесенная в заголовок заметки) социальная идентификация молодого поэта как «слесаря» призвана снять вопрос, оказавшийся (с подачи КГБ) роковым для Бродского: на момент публикации первой книги Соснора, состоявший в руководимом Д.Я. Даром ЛИТО «Голос юности», еще не был членом СП⁵⁵ и, в соответствии с советской идеологией, не мог обозначаться просто как «поэт» — эту квалификацию давала лишь кооптация в ряды советских писателей, то есть членство в их официальном союзе. «Самозванное» (то есть не санкционированное государством), как в случае Бродского, причисление себя к литераторам, подлежало общественному осуждению и наказанию — в таком случае с точки зрения властей оно служило лишь маскировкой социального паразитизма («тунеядства»).

Эти правила советского литературного быта хорошо понимал избранный Соснорой «патроном» и сыгравший ключевую роль в издании «Январского ливня» Н.Н. Асеев — один из ветеранов советской поэзии (сверстник Ахматовой), начинавший в 1910-е годы как футурист, впоследствии, однако, по стремящемуся к академической беспристрастности замечанию М.Л. Гаспарова, «сознательно ушедший на подчиненную роль при Маяковском, а потом быст-

53 Личные отношения Бродского и Сосноры, завязавшиеся около 1960 года (17 февраля 1960 года Соснора вместе с Бродским участвовал в «турнире поэтов» в ДК имени М. Горького; см. также воспоминания Д. Шраера-Петрова о драке Бродского и Сосноры на свадьбе последнего: *Полухина В. Иосиф Бродский глазами современников*. Кн. 2. С. 162), носили, сколько можно судить, неблизкий характер, продолжаясь, однако, до самого отъезда Бродского из СССР (см.: *Кельмович М. Иосиф Бродский и его семья*. М.: АСТ, 2015. С. 34).

54 Вечерний Ленинград. 1962. 21 июля. С. 3. Речь идет о книге: *Соснора В.А. Январский ливень: стихи*. М.; Л.: Советский писатель. Ленингр. отд-е, 1962.

55 Он будет принят в Союз писателей в 1963 году.

ро обессилевший в языковом бесчувствии новой эпохи»⁵⁶ и в этом качестве ставший лауреатом Сталинской премии (1941).

С констатации:

...с 1958 г. по сей день Соснора слесарь Невского Машиностроительного завода имени Ленина. Трудная биография и трудные стихи, также разнородные, как и переброска с места на место в годы детства. Трудный путь комсомольца-слесаря в литературу⁵⁷, —

начинает Асеев свою внутреннюю рецензию на книгу Сосноры, обосновывая в полном соответствии с идейными установками компартии ценность стихов молодого автора его социальным происхождением и опытом.

Как видим, использованный Асеевым, давно и полностью принявшим установленные советской властью «правила игры» в литературе, метод протектирования молодому поэту оказался чрезвычайно эффективным. По замечанию Льва Лосева, Соснора (по сравнению с Бродским) «решительнее экспериментировал с литературными формами»⁵⁸ — и газетная оговорка «голос поэта подчас резковат» подразумевает именно этот, восходящий к (канонизированному еще в 1936 году Сталиным) Маяковскому «советский авангардизм». Однако для официальной литературной системы он был (пусть и с оговорками) допустимее более консервативной, но зато отягощенной независимым от общественных конвенций поведением поэтики Бродского, ориентировавшегося, в свою очередь, на уникальный опыт «асоветского» существования Ахматовой, для которой реализуемые Асеевым сценарии литературного патронажа были неприемлемы.

5

Одной из составляющих ахматовской поддержки бескомпромиссности «аввакумовцев» было демонстративное противопоставление Бродского, уже к 1962 году выделяемого Ахматовой из этого круга в качестве бесспорного лидера, — молодым корифеям тогдашней «официальной» поэтической сцены в СССР, в первую очередь Евгению Евтушенко и Андрею Вознесенскому. Таким образом, к Ахматовой восходит сыгравшая, как мы увидим далее, в литературном и биографическом самоопределении Бродского немаловажную роль тема его «соперничества» с этими вождями оттепельной советской поэзии.

Сам Бродский позднее вспоминал об этом так:

Единственное отталкивание, которое имело место быть [у Ахматовой], это отталкивание от молодых людей в Москве, которые, как ни горько и ни стыдно, представляли русскую поэзию за рубежом в то время. И были весьма популярны как, впрочем, они и сейчас популярны среди молодежи. Я имею в виду Евтушенко и Вознесенского⁵⁹.

---

56 *Гаспаров М.Л.* Семен Кирсанов, знаменосец советского формализма // Кирсанов С.И. Стихотворения и поэмы / Сост., подгот. текста и примеч. Э.М. Шнейдермана. СПб.: Академический проект, 2006. С. 9.

57 *Лоцилов И.Е., Соснора Т.В.* Асеев о Сосноре — Соснора об Асееве: К эдиционной истории книги «Январский ливень: Стихи» (1962) // Восемь великих / Отв. ред. Ю.Б. Орлицкий. М.: РГГУ, 2022. С. 553.

58 *Лосев Л.* Иосиф Бродский. С. 137.

59 Иосиф Бродский: «Ахматова учит сдержанности».

В этот период Ахматова, всегда внимательная к биографическому тексту, особенно увлечена вопросами литературной биографии и связанной с ней проблемой места в поэтической иерархии — прежде всего, применительно к себе самой и к Осипу Мандельштаму, чья поэзия после многолетнего перерыва возвращалась тогда к читателю. С точки зрения Ахматовой, ее литературный путь, искаженный, с одной стороны, цензурными запретами в СССР, а с другой — эмигрантской дезинформацией и непониманием, нуждается в «правильном» освещении, возможном только при сохранении ее контроля над необходимой для этого информацией. Этот же принцип, впоследствии взятый, по нашему мнению, именно с подачи Ахматовой на вооружение Н.Я. Мандельштам, используется ею при подходе к восстановлению места Мандельштама в русской литературе. Но если работа по автоканонизации и канонизации Мандельштама есть, в сущности, *ретроактивное* исправление ошибок прошлого, то литературная биография Иосифа Бродского, разворачивающаяся на глазах, становится для Ахматовой полем *синхронного* развития этой биографии приложения усилий по новому, представляющемуся ей справедливым, картографированию литературного поля.

Как замечает Р.Д. Тименчик, блокноты Ахматовой, откуда она читала вслух и давала в копиях стихотворения молодого поэта своим литературным знакомым, «послужили в известном смысле каналами распространения текстов Бродского»⁶⁰. Помимо этого она становится своего рода проводником поэзии Бродского в «большую печать»⁶¹: впервые поэтическая строка Бродского в сопровождении «говорящих» посвященным инициалов «И.Б.» опубликована в качестве эпитафии к стихотворению «Последняя роза» в январском номере «Нового мира» за 1963 год⁶², где подборка Ахматовой соседствует со ставшими литературной сенсацией рассказами Александра Солженицына «Матренин двор» и «Случай на станции Кречетовка». Ситуация, беспрецедентная в истории русской литературы: первое обозначение в печати молодого автора происходит в статусном обрамлении текстов живого классика. Современниками этот жест был прочитан как наименование Ахматовой своего «избранника» — поэтического преемника⁶³.

60 Тименчик Р. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой. С. 645.

61 Эткин Д. Е. Процесс Иосифа Бродского. London: OPI, 1988. С. 37. Формальным литературным дебютом Бродского стала публикация «Баллады о маленьком буксире» в журнале для детей «Костер» (1962. № 11. С. 49).

62 Речь идет о строке «Вы напишете о нас наискосок» из стихотворения Бродского «А.А. Ахматовой» («Закричат и хлопчат петухи...», 1962). Оттиск новомирской публикации был подарен Ахматовой Бродскому с инскриптом: «Кесарю — кесарево. Иосифу Бродскому А.А.А.» (фотокопию инскрипта см.: Ахалкин Д. Иосиф Бродский и Анна Ахматова. С. 221). В позднейших советских изданиях Ахматовой эпитафия не воспроизводилась по цензурным причинам; однако в составленном самой Ахматовой томе переводов на болгарский язык, вышедшем в 1967 году, присутствуют и эпитафия и полное имя автора (см.: Крайнева Н.И., Сажин В.Н. Из поэтической переписки А.А. Ахматовой // Проблемы источниковедческого изучения истории русской и советской литературы: Сб. научных трудов. Л.: ГПБ, 1989. С. 200).

63 Такое утверждение на основании «новомирского» стихотворения Ахматовой с эпитафией из Бродского делает в конце 1964 года Р.Н. Гринберг, см.: Воздушные пути: Альманах IV / Ред.-изд. Р.Н. Гринберг. Нью-Йорк, 1965. С. 5 (здесь же впервые печатно раскрыто имя Бродского как автора взятой Ахматовой в качестве эпитафии строки). О впечатлении, произведенном жестом Ахматовой, «опубликовавшей» строку из

Именно Ахматова становится той авторитетной литературной инстанцией, которая инициирует использование применительно к Бродскому номинаций «первого поэта» и «гения». Происходит это прежде всего в полемическом контексте противопоставления Бродского популярным советским авторам (и несмотря на известный первоначальный скептицизм ахматовской аудитории):

Стихи И. Бродского. Как-то я все не могу поверить, что Бродский гений, хотя Анна Андреевна это и утверждает⁶⁴.

...она мне очень пренебрежительно говорила о Евтушенке, очень пренебрежительно об Ахмадулиной... <...> И потом сказала: «А вот великий поэт — Бродский»⁶⁵.

Летом 1963-го Ахматова роняет такую фразу: «Вы даже представить не можете, какой расцвет поэзии ожидает Россию». Я спрашиваю: «Ну а кто, какие поэты, как вы считаете?» — «Бродский». — «А еще кто?» — «Бродский. Разве этого недостаточно?»⁶⁶.

Бродского считала лучшим поэтом. <...> Я высоко ценю Евтушенко и Вознесенского, признался ей в этом. Ахматова не оспаривала их талант, но сказала, что рядом с Бродским таких поэтов как бы и нет⁶⁷.

Впервые о поэте Бродском мы услышали от Анны Ахматовой. «Как, вы не знаете нашего премьера?» — спросила она с удивлением и нежностью⁶⁸.

Дочь эмигранта Г.М. Воронцова-Вельяминова сообщила о разговоре июля 1965 года: «На его вопрос о том, кто, по ее мнению, лучший из молодых поэтов, она ответила не Евтушенко и Вознесенский, а Бродский. Бродский тогда был мало известен на Западе, да и в России тоже»⁶⁹.

Последняя фраза, точно отражающая социокультурную ситуацию 1960-х годов, указывает на важнейший элемент конструируемого Ахматовой нарратива о новом «первом поэте» России — где, с одной стороны, присутствует санкционированная авторитетом Ахматовой высшая степень поэтического признания (неизбежно актуализирующая в русской традиции пушкинские коннотации⁷⁰),

---

стихов Бродского, на тогдашнюю литературную молодежь вспоминает Томас Венцлова: «Помню, что эта первая публикация Бродского — хорошо известного к тому времени подпольного поэта — тогда стала едва ли не главным предметом разговоров в неофициальных литературных кругах» (Венцлова Т. Статьи о Бродском. С. 136).

64 Глэкин Г. Что мне дано было...: Об Анне Ахматовой / Сост., подгот. текста, вступ. статья, коммент. Н.Г. Гончаровой. М.: Экон-Информ, 2011. С. 225 (запись от 4 ноября 1963 года).

65 Свидетельство М.Д. Вольпина: Анна Ахматова в записях Дувакина / Подгот. текстов В.Ф. Тейдер, В.Б. Кузнецова, М.В. Радзишевская. М.: Наталис, 1999. С. 278.

66 Воспоминание В.Б. Кривулина: *Полухина В.* Бродский глазами современников. С. 173.

67 Г.В. Адамович о встрече с Ахматовой в Париже в 1965 году: *Тименчик Р.* Последний поэт. С. 453.

68 Орлова Р. Воспоминания о непрошедшем времени. М.: Слово, 1993. С. 303.

69 Тименчик Р. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой. С. 646.

70 Ср.: «Соответствие современного поэта Пушкину естественным образом устанавливалось через титул “первого поэта”» (*Паперно И.* Пушкин в жизни человека Серебряного века // *Cultural Mythologies of Russian Modernism: From the Golden Age to the Silver Age* / Ed. by V. Gasparov, R.P. Hughes, I. Paperno. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1991. P. 32).

а с другой — резко контрастирующая с ней советская реальность, не признающая за подобным механизмом негосударственной/неофициальной канонизации никакой легитимности. Это культурное, социальное и в конечном счете политическое противостояние можно символически персонифицировать в виде формулы: *Ахматова vs. судья Савельева*, где имя Ахматовой будет репрезентировать представление о Бродском как о «Пушкине нашего века»⁷¹, а фамилия судьи — напоминать о том, что с точки зрения государства и подавляющего большинства читающей публики в СССР такого поэта не существует.

Это драматическое напряжение, возникшее на самом раннем этапе писательского пути Иосифа Бродского, будет определять его литературную биографию всего советского периода.

6

Столь заметная человеческая и литературная приязнь со стороны Ахматовой, разумеется, не могла не повлиять на самоощущение молодого Бродского. Важнейшим следствием знакомства с Ахматовой стало формирование у него обширной «стиховой «ахматовианы»»⁷² — серии поэтических обращений к старшему поэту, начатой в июне 1962 года стихотворным подношением ко дню рождения («А.А. Ахматовой» [«Закричат и захлопочут петухи...»]), строка из которого, напомним, через полгода будет использована ею в качестве эпиграфа, впервые печатно обозначившего присутствие имени Бродского в русской поэзии.

Поэтический диалог с автором, который, подобно Ахматовой в 1960-е годы, воспринимается современниками как (живой) завершитель некоей художественной традиции, уже не принадлежащей современности («последний поэт», в терминологии Тименчика⁷³), создавая небанальную коммуникативную ситуацию, очевидным образом сигнализирует о свойственном «адресанту» чувстве литературного «преемничества». У Бродского это чувство осложнено, как справедливо отмечает Г.А. Левинтон, «непосредственным ощущением бли-

71 Определение из неоконченной шуточной пьесы друга Бродского Л.Н. Черткова «Пронский» (1964; *Орлов В.* «Я не стану просить заседательской жалости...»: К истории ареста Леонида Черткова. С. 254). Несмотря на иронический характер этой характеристики, здесь, как и в случае характеристики Бродского как «еврейского Пушкина» (1964; слова матери преследовавшего поэта ленинградского писателя Е.В. Воеводина: *Гордин Я.* Память и совесть, или Осторожно — мемуары! // *Знамя.* 2005. № 11. С. 205), имеет место пусть и полемически заостренное, но в целом адекватное отражение представлений о статусе Бродского в близких ему литературных кругах Ленинграда и Москвы первой половины 1960-х годов.

72 *Тименчик Р.* Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой. С. 650. Состав и обстоятельства создания «ахматовианы» Бродского, отложившейся в архиве Ахматовой, впервые исследованы в работе: *Крайнева Н.И., Сажин В.Н.* Из поэтической переписки А.А. Ахматовой. С. 191—202.

73 «У этой фракции читательского сообщества (к которой в 1960-х годах принадлежал автор и его друзья. — *Г.М.*) было отчасти даже горделивое осознание присутствия при жизни последнего на излете череды вычитаний великого русского поэта. Было смутное ощущение, и для меня оно впоследствии подтвердилось, что будут еще замечательные стихи, достойные внимания и уважения фигуры, веселые и солидные имена, но та, собственно великая русская поэзия, от хотинской оды до «Поэмы без героя», кончилась» (*Тименчик Р.Д.* Последний поэт. Т. 1. С. 10—11).

зости, причастности, непрерывности не поэтической традиции, а самого существования “поэтов всех времен” (по выражению Кюхельбекера)»⁷⁴. Последнее объясняет, в частности, и то, почему в диалоге с Ахматовой для Бродского оказываются важны не поиск стилистических сходств, свидетельства «литературного влияния» и т.п., но прежде всего манифестация (исторической) общности судеб:

Разделенье не жизнью, не временем,
за пространством с кричащей толпой,
разделенье не болью, не бременем
и хоть странно, но все ж не судьбой⁷⁵.

(Эти строки Ахматова безошибочно выделит в качестве смысловой доминанты посвящения Бродского, процитировав их в одном из своих блокнотов в 1963 году:

Иосифу Бродскому
от третьего петербургского сфинкса
на память
24 марта
1963
Комарово
И.Б.
Разделенье не болью не бременем
и хоть странно, но все ж не судьбой.
А. <...>⁷⁶)

Маркером такой биографической общности не в последнюю очередь является для Бродского проблемный статус поэта в окружающем социуме («Не услышу я шуршания колес, / уносящих Вас к заливу, к деревьям, / по Отечеству без памятника Вам» («А.А. Ахматовой», 1962)).

Для Бродского важна здесь вписанность в определенный, соотносящийся с именем Ахматовой поэтический ряд, оказывающийся, что самое существенное, внеположным по отношению к советской современности с ее рестриктивным, политически ангажированным — и, как следствие, чрезвычайно обедненным — пониманием мировой культуры. Следствием такого генезиса поэзии Бродского — а не «содержания» его стихов — становится восприятие ее официальными литературными (и политическими) кругами как «несоветской»: «непонятность корней [поэзии Бродского] ведет к ощущению чуждости, а значит — к [ощущению] враждебности», отмечал, говоря в 1974 году об отношении к Бродскому властей, Е.Г. Эткинд⁷⁷.

74 Левинтон Г. Смерть поэта: Иосиф Бродский // Иосиф Бродский: Творчество. Личность. Судьба. Итоги трех конференций. СПб.: Звезда, 1998. С. 200.

75 «А.А. Ахматовой» (24 июня 1962 года); цит. по: Крайнева Н.И., Сажин В.Н. Из поэтической переписки А.А. Ахматовой. С. 195.

76 Там же. С. 196. Запись сделана Ахматовой в ее блокноте «Библиография 1909—1964» (благодарим Р.Д. Тименчика за описание источника записи Ахматовой).

77 Е.Г. Эткинд, рукописный отзыв на статью М. Хейфеца «Иосиф Бродский и наше поколение» (1973): История одного политического преступления. С. 35.

Не случайно обращение Бродского к классическому для реализации этой установки жанру *in memoriam* косвенно связано с именем Ахматовой. Речь идет о первом у Бродского тексте «на смерть поэта», обращенном к Роберту Фросту, о смерти которого он узнал в конце января 1963 года в Комарове и которого считал «единственным из всех зарубежных [поэтов], похожим на Ахматову»⁷⁸. В августе 1962 года Ахматова встречалась с Фростом во время пребывания того в Ленинграде и рассказывала Бродскому об этой встрече⁷⁹.

Значит, и ты уснул.
 Должно быть, летя к ручью,
 ветер здесь промелькнул,
 задув и твою свечу.
 Узнав, что смолкла вода,
 и сделав над нею круг,
 вновь он спешит сюда,
 где дым обгоняет дух.

Позволь же, старик, и мне,
 среди мертвых финских террас,
 звездам в моем окне
 сказать, чтоб их свет сейчас,
 который блестит окрест,
 сошел бы с пустых аллей,
 исчез бы из этих мест
 и стал бы всего светлей
 в кустах, где стоит блондин,
 который ловит твой взгляд,
 пока ты бредешь один
 в потемках... к великим... в ряд⁸⁰.

Текст Бродского «На смерть Роберта Фроста» (30 января 1963 года), очевидно не вполне удовлетворивший поэта (он никогда не печатал этих стихов), интересен прежде всего как «первый шаг к регулярному приему соположения в стихах Бродского голосов русской и мировой поэзии»⁸¹ (причем в числе первых явственно обозначено присутствие самого автора⁸²) и как место появления поэтической формулы «к великим в ряд», обозначающей (посмертное) присоединение поэта к сонму выдающихся предшественников.

Эта принципиальная для Бродского установка, закрепленная в 1965 году стихами «На смерть Т.С. Элиота», оказывается «объективно» (то есть, как представляется, без специального авторского умысла) близка пониманию поэзии акмеизма как «тоски по мировой культуре»⁸³, разделяемому Ахмато-

78 *Верхейл К.* Танец вокруг мира: Встречи с Иосифом Бродским. СПб.: Звезда, 2002. С. 14.

79 См. подробнее: *Ахапкин Д.* Иосиф Бродский и Анна Ахматова. С. 123—124.

80 Цит. по: *Ахапкин Д.* Иосиф Бродский и Анна Ахматова. С. 230.

81 Там же. С. 129.

82 Ср. убедительное предположение Д.Н. Ахапкина о присутствии в тексте стихов на смерть Фроста «alter ego автора, его двойника, призрака» (Там же. С. 128).

83 Формулировка, появляющаяся в воспоминаниях Ахматовой о Мандельштаме («Листики из дневника») со ссылкой на свидетельство А.И. Гитовича, относящего ее к вы-

вой, и «синхронистическому» восприятию истории ею (и Мандельштамом), когда «существует некий высший уровень, на котором ось последовательности транспонируется в серию актуально сосуществующих явлений, принадлежащих современности и улавливающих будущее, как слово — смыслы»⁸⁴.

Стихи на смерть Элиота предсказуемо встречают чрезвычайно лестную оценку Ахматовой («Мне даже светло от мысли, что они существуют», — пишет она Бродскому в феврале 1965 года⁸⁵) а самый содержательный ее письменный отзыв о поэзии Бродского, оказавшийся итоговым, знаменательным образом посвящен именно этой, «неоакмеистической», стороне его поэтики — причем в принципиальном для Ахматовой (следующем пониманию ею истории как «вектора, противоположного сознательно полагаемой воле поэта»⁸⁶) полемическом соотношении с «официальной» советской поэзией:

Вот в чем сила Иосифа: он несет то, чего никто не знал: Т. Элиота, Джон<а> Донна, Пёрселла — этих мощных великолепных англичан! Кого спрашивается несет Евтушенко? Себя, себя и еще раз себя⁸⁷.

Существенно также, что эта ориентированность поэзии Бродского на — в широком смысле — мировую культурную традицию шла вразрез с тенденциями оттепельной советской поэзии и выглядела крайне нетривиально. Синхронные читательские реакции на эту особенность поэтики Бродского сохранены в мемуаристике и в переписке современников.

Так, Л.Г. Сергеева, вспоминая поэму «Исаак и Авраам» (1963), отмечала:

Обращение совсем молодого человека к библейскому сюжету и личная интерпретация такого сюжета были подобны чуду в Стране Советов начала шестидесятых годов. В это время почти всех поэтов занимала история разоблаченного Хрущевым Сталина и культ личности⁸⁸.

Читатель-эмигрант В.Ф. Марков 3 мая 1965 года писал Г.П. Струве: «Я в нем [Бродском] особенно ценю, что это первый на моем горизонте за столько лет поэт-некомсомолец. Хорошо, что таких еще может «российская земля рождать»»⁸⁹.

ступлению Мандельштама в Ленинграде в 1933 году (см.: *Левинтон Г.А., Тименчик Р.Д.* Книга К.Ф. Тарановского о поэзии О.Э. Мандельштама // *Russian Literature*. 1978. Vol. 6. No. 2. P. 209; благодарим Р.Д. Тименчика, сообщившего нам фрагмент текста Ахматовой, не вошедший в опубликованные варианты «Листков из дневника»).

84 *Левин Ю.И., Сегал Д.М., Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В.* Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма // *Russian Literature*. 1974. Vol. 3. No. 2–3. P. 49. Отметим, что схожее самоощущение «единовременности» (simultaneous existence) современной и мировой литературы, «начиная с Гомера», прокламирует и непосредственный адресат Бродского — Т.С. Элиот («Традиция и индивидуальный талант», 1919).

85 Записные книжки Анны Ахматовой (1958—1966) / Сост. и подгот. текста К.Н. Суворовой; вступ. статья Э.Г. Герштейн. М.; Torino: Einaudi, 1996. С. 588.

86 *Левин Ю.И., Сегал Д.М., Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В.* Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма. P. 50.

87 Записные книжки Анны Ахматовой. С. 695 (запись декабря 1965 года — января 1966 года).

88 *Сергеева Л.* Жизнь оказалась длинной. М.: АСТ, 2019. С. 140.

89 *Толстой И., Устинов А.* «Молитесь Господу за переписчика»: Вокруг первой книги Иосифа Бродского // *Звезда*. 2018. № 5. С. 20.

Сам Струве в предисловии к первой книге Бродского удивлялся: «В стихах Бродского поражает и почти полное отсутствие обычной советской тематики — будь то с положительным или с отрицательным знаком»⁹⁰.

«Осенью 1962 г. редакция узнала о молодом Бродском как о независимом поэте, пишущем стихи, не похожие ни по тону, ни по форме на массовое творчество, издающееся в СССР», — сообщал тогда же, в 1965 году, издатель нью-йоркского альманаха «Воздушные пути» Р.Н. Гринберг⁹¹.

Мемуаристка из числа советской молодежи 1960-х свидетельствует:

...нас, выросших на словаре советских поэтов, помимо нутряного восторга от поэтического чуда, совершавшегося здесь и сейчас, поражала, даже у раннего Бродского, еще и его лексика. С воодушевлением открывали мы для себя какие-то нездешние слова: «Над утлой мглой столь кратких поколений...». «Утлый» — пришло прямо из Пушкина, теперь, казалось нам, подобные слова вообще упряднены! Он произносил слова, которые стены домов и дворцов советской культуры, думаю, слышали впервые: «Богоматери предместья, святые отцы предместья, святые младенцы предместья...»⁹²

Ленинградский приятель Бродского из научной среды М.П. Петров вспоминал:

Тогда [в начале 1960-х годов] он начал увлекаться древнегреческой мифологией и римской античностью и эффектно использовал сведения оттуда в своих стихах. Это резко отличало его от других молодых поэтов⁹³.

Резко «несоветские» черты поэтики Бродского и демонстративный патронаж Ахматовой приводят к середине 1960-х годов к тому, что в (эмигрантской) критике возникает, с одной стороны, шаблон об «ученичестве» Бродского у Ахматовой, а с другой — имя поэта ставится, по его же формуле, «к великим в ряд», а сам он — на основании по преимуществу внетекстуальных, биографических обстоятельств — объявляется живым продолжателем связанной с поэзией русского модернизма 1910—1920-х годов «петербургской поэтики» — «тех представлений о стихотворном искусстве, которые выработались и воспробладали у нас в золотую пору нашего так называемого серебряного века»⁹⁴.

Иосиф Бродский — большого дарования поэт, и, как о том свидетельствует целый ряд его стихотворений, необычайно рано достигший зрелости. У него есть своя поэтика, непохожая ни на чью другую. И все-таки петербургская она; не сказать о ней этого нельзя. Знаю: он родился в сороковом году; он помнить не может. И все-таки, читая его, каждый раз думаю: нет, он помнит, он сквозь мглу смертей и рождений помнит Петербург двадцать первого года, тысяча девятьсот двадцать

90 Стуков Г. [Струве Г.]. Поэт-«туняец» — Иосиф Бродский // Бродский И. Стихотворения и поэмы. Washington, D.C.; New York: Inter-Language Literary Associates, 1965. С. 15.

91 Воздушные пути: Альманах. IV. Нью-Йорк, 1965. С. 5.

92 Аллой Р. Веселый спутник: Воспоминания об Иосифе Бродском. СПб.: Звезда, 2008. С. 19.

93 Полухина В. Иосиф Бродский глазами современников. Кн. 3. С. 61.

94 Вейдле В. Петербургская поэтика [1968] // Он же. О поэтах и поэзии. Paris: YMCA-Press, 1973. С. 126.

первого года Господня, тот Петербург, где мы Блока хоронили, где мы Гумилева не могли похоронить⁹⁵.

Именно открытые Ахматовой для молодого поэта «альтернативные» возможности осмысления себя в поэтической традиции и утверждения на литературной сцене и в целом связанная с нею актуализация «поведенческого» (биографического) аспекта в жизни поэта, стоят за внешне брутальными эскападами вроде демонстративного ухода Бродского с заседания секции поэзии ленинградского отделения СП в мае 1962 года, так впечатлившего советского писателя Николая Брауна. Этот жест следует читать не как наследующий футуристической поэтике скандала (хорошо известной тогдашней литературной молодежи по описаниям молодости Маяковского⁹⁶), но как свободное выражение позиции человека, не нуждающегося более в санкции советских писательских институций и публично заявляющего о своей авторской независимости или — если смотреть шире — о своем «праве на биографию», являющемся в русской культурной традиции прерогативой именно Поэта⁹⁷. Реализация этого права, согласно Ю.М. Лотману, связана с антитезой между «поведением “обычным”, навязанным данному человеку обязательной для всех нормой, и поведением “необычным”, нарушающим эту норму ради какой-то иной, свободно избранной нормы»⁹⁸. Выбирая амплуа «литературного скандалиста», молодой Бродский резко противопоставлял себя деиндивидуализированной советской литературной массе, используя прежде всего «романтический» культурный код, традиционно, со времен Пушкина, программирующий в России поведение Поэта. Воспринятое через уроки Ахматовой пушкинское — то есть в высшей степени сознательное — отношение к построению своего биографического текста как к «творимой автором легенде его жизни, которая единственно и является литературным фактом»⁹⁹, будет, как мы увидим далее, свойственно Бродскому уже с самого начала его литературной деятельности.

Вызывающая по советским меркам независимость отличает в этот период и поведение Бродского в целом; проявления ее тщательно фиксируются — очевидно, в рамках ДОР, заведенного после кратковременного ареста в январе 1962 года, — секретными сотрудниками КГБ в окружении поэта.

95 Там же. Характерно место первой публикации этой статьи В.В. Вейдле — она являлась предисловием к четвертому тому Собрания сочинений Н.С. Гумилева под редакцией Г.П. Струве и Б.А. Филиппова (Вашингтон: Изд. книжного магазина Victor Kamkin, Inc., 1968). «Академический» и историко-филологический контекст, несомненно, усиливал значимость и влияние высказанных Вейдле суждений.

96 См., например, свидетельства Л. Лосева об акциях «неофутуристической» группы Э. Кондратова, М. Красильникова и Ю. Михайлова в Ленинграде начала 1950-х годов: *Лосев Л. Меандр: Мемуарная проза*. М.: Новое издательство, 2010. С. 279 и след.

97 См.: *Лотман Ю.М. Литературная биография в историко-культурном контексте* // Он же. *Избранные статьи*: В 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. С. 370.

98 Там же. С. 366.

99 *Томашевский Б. Литература и биография* // *Книга и революция*. 1923. № 4 (28). С. 9.

Справка начальника ленинградского КГБ полковника Шумилова, составленная 7 марта 1964 года на основе того, что на чекистском языке именовалось «оперативными данными» (то есть по материалам агентурных сообщений), в части, касающейся информации о Бродском после получения им предупреждения КГБ после допросов в январе 1962 года по делу Уманского, начинается с констатации: «Бродский поведения своего не изменил»¹⁰⁰. Далее Шумилов фиксирует прежде всего контакты Бродского с иностранцами, априори подозреваемыми в связях с органами иностранной разведки.

По имеющимся у нас оперативным данным, в феврале-марте 1962 года он [Бродский] установил связь с американским стажером ЛГУ РАЛЬФОМ БЛЮМОМ, подозреваемым в принадлежности к американской разведке, и получил от него какую-то литературу. <...>

В своих стихах БРОДСКИЙ пишет о якобы имеющемся в СССР идейном произволе, рожденном диктатурой черни. Не отказался он и от намерения изменить Родине. В отобранном нами в августе 1963 года оперативным путем письме БРОДСКОГО в Польшу он писал, что его единственной мечтой является выезд за границу. Он по-прежнему завязывает связи с враждебно настроенными по отношению к СССР иностранцами.

Так, в ноябре 1963 г. в адрес Ленинградского отделения Союза писателей РСФСР на имя БРОДСКОГО была прислана бандероль из США от ВИРЕКА ПИТЕРА.

ВИРЕК П. за последнее время несколько раз посетил СССР, по имеющимся в Комитете госбезопасности при СМ СССР данным он связан с американской разведкой. Во время пребывания в СССР ВИРЕК активно устанавливал связь с лицами из числа творческой молодежи для сбора клеветнической информации о жизни творческой интеллигенции в СССР¹⁰¹.

Представленные Шумиловым американскими разведчиками Ральф Блум (Ralph Blum; 1932—2016) и Питер Вирек (Peter Viereck; 1916—2006) на деле не имели никакого отношения к спецслужбам. Первый был антропологом и славистом, выпускником Гарвардского университета, изучавшим в 1961—1963 годах в Ленинградском университете историю советского кинематографа и писавшим репортажи о жизни в СССР для журнала «The New Yorker» (впоследствии Блум станет автором бестселлера «Книга Рун», открытого русскому читателю в 1990 году Виктором Пелевиным¹⁰²). Питер Вирек был «первым из американских поэтов, с кем Бродский встретился и познакомился лично»¹⁰³. Вирек, пулитцеровский лауреат 1949 года, был в СССР несколько раз — впервые в 1961 году вместе с поэтом Ричардом Уилбером. Осенью 1962 года он

100 ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 99616. Л. 37.

101 Там же.

102 Пелевин В. Гадание на рунах, или Рунический оракул Ральфа Блума // Наука и религия. 1990. № 1. С. 51—54.

103 Азадовский К. Виреки. От германского кайзера до Иосифа Бродского // Звезда. 2016. № 5. С. 218.

посетил в Москве Ахматову¹⁰⁴. Тогда же состоялось его знакомство с Бродским, с которым они виделись и в дальнейшем — во время приездов Вирека в Ленинград «поздней осенью 1966-го или зимой 1966—1967 годов»¹⁰⁵ и в 1969 году¹⁰⁶.

Качество и способ подачи информации в справке полковника Шумилова позволяют сделать предварительные выводы о механизме развития «дела Бродского», завершившегося ставшим всемирно известным судебным процессом февраля — марта 1964 года по обвинению поэта в тунеядстве.

Анализ изложенных Шумиловым фактов показывает очевидную вещь — несмотря на демонстративно нестандартный для советского человека начала 1960-х годов характер, поведение Бродского не содержит в себе ничего, что позволяло бы предъявить ему обвинения в нарушении закона. Ни стихи о некоем «идейном произволе», ни встречи с иностранными гражданами, ни выраженная в частном письме мечта о выезде за границу не являлись в СССР уголовно наказуемыми действиями. Это обстоятельство было ясно и чекистам. Отсюда — искусственное подверстывание фразы из перлюстрированного письма к статье Уголовного кодекса об «измене Родине» (призванное напомнить о центральном с точки зрения КГБ эпизоде в «деле» Бродского — истории с несостоявшимся угоном самолета), нагнетание в справке «публицистических» оборотов в отношении как самого Бродского, так и знакомых ему иностранцев, и, главное, обвинения в принадлежности последних к иностранной разведке. Голословный характер этих обвинений — ясный и авторам справки — подтверждается хотя бы тем, что, например, «связанный с разведкой» и собирающий, по словам справки, «клеветническую информацию» о советской интеллигенции, а в реальности известный американский поэт Питер Вирек спустя два года вновь беспрепятственно получит визу для посещения СССР.

Тот факт, что ленинградские чекисты в своих рапортах московскому начальству сознательно преувеличивали степень общественной опасности Бродского, подтверждается свидетельством Н.И. Грудининой, пересказавшей в письме генпрокурору СССР Р.А. Руденко от 10 сентября 1964 года свой разговор с полковником Шумиловым. Грудинина сообщала:

...в деле суда имеется бумага КГБ, подписанная следователем идеологического отдела П. Волковым, где Бродский обвиняется в распространении стихов Цветаевой, Ахматовой, Пастернака, в получении от американского аспиранта «какой-то» книги, в чтении пошлых эпиграмм.

По вопросу этих пунктов бумаги я специально разговаривала с председателем ленинградского КГБ т. Шумиловым В.Т., и он сообщил мне, что кроме старого спецдела Шахматова и Уманского в распоряжении КГБ ничего нет. Относительно эпиграмм и пр. сведения приходили от каких-то посторонних людей, имен которых т. Шумилов не знал и обещал попробовать узнать. Жалел, что «такой проверки» сделано не было раньше¹⁰⁷.

104 См.: *Тыменчик Р.* Последний поэт. С. 274.

105 *Азадовский К.* Виреки. От германского кайзера до Иосифа Бродского. С. 215. Мемуарное интервью Вирека о Бродском (2003) см.: *Полухина В.* Иосиф Бродский глазами современников. Кн. 2. С. 390—399.

106 См.: *Labinger L.* A Conversation with Joseph Brodsky (Leningrad, July 13, 1970) // *Agni*. 2000. No. 51. P. 17.

107 ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 99616. Л. 73.

Генезис реализованной в справке о поэте риторической политики КГБ и ее последствия были описаны знакомым Иосифа Бродского, ленинградским писателем К.В. Успенским (Косцинским), осужденным за антисоветскую деятельность в 1960 году и имевшим в ходе следствия дело с теми же сотрудниками КГБ, которые позднее вели дело Бродского, в частности с полковником Шумиловым:

Истина госбезопасность не интересует. В условиях «разгула либерализма», который мы наблюдали в середине и конце 1950-х годов, ее, госбезопасность, интересовали лишь более или менее убедительно звучащие формулировки, которые можно было бы включить в обвинительное заключение, а затем и в приговор.

Этого, в общем-то, не получилось, как станет ясно каждому, кто прочтет приговор по моему делу. Позднее я узнал, что после того как этот приговор, выражаясь торжественным слогом уголовно-процессуального кодекса, был «провозглашен», начальник ленинградского КГБ Шумилов, выступая на специально созванном расширенном секретариате Ленотделения Союза писателей, вынужден был пуститься в весьма сильные преувеличения относительно моей «преступной» деятельности¹⁰⁸.

Аналогичной (вплоть до деталей) тактики придерживался КГБ и в деле Бродского: 14 мая 1964 года состоялась встреча ленинградских писателей («общее собрание с молодежью»¹⁰⁹) с представителями областного Управления КГБ, на которой Шумилов делал доклад, касавшийся преследования Бродского и, очевидно, призванный снизить градус непредвиденного чекистами общественного волнения, вызванного этим делом¹¹⁰.

Представляется, что подлинная причина, по которой дело Бродского в начале 1964 года было доведено чекистами до суда (правомерность которого и призвана подтвердить перед партийным начальством справка Шумилова, составленная по запросу курировавшего силовые структуры Отдела административных органов ЦК КПСС) лежит в бюрократической плоскости.

Согласно внутренним инструкциям КГБ по оперативному учету, «срок ведения дел оперативной разработки по окраскам “измена Родине” (в форме бегства за границу)» — а именно такое дело (ДОР) было, очевидно, заведено на Бродского весной 1962 года после ставшей известной чекистам (и, несомненно, впечатлившей их) истории с самолетом в Самарканде — не должен был превышать двух лет¹¹¹. Просто прекратить дело оперативного наблюдения означало для КГБ признать необоснованность его заведения. Практика прекращения

108 *Косцинский К.* В тени Большого дома: Воспоминания / Сост. и подгот. текста Е. Гессен. Терафлу, N.J.: Эрмитаж, 1987. С. 28.

109 Из письма Г.С. Семенова Ф.А. Вигдоровой от 4 мая 1964 года: Из переписки Фриды Вигдоровой и Глеба Семенова. 1964—1965 / Публ. Н.Г. Охотина и Л.Г. Семеновой // «Быть тебе в каталожке...»: Сборник в честь 80-летия Габриэля Суперфина / Сост. О. Розенблюм и И. Кукуй. Франкфурт-на-Майне: Esterum Publishing, 2023. С. 478.

110 По сообщению Н.Г. Охотина и Л.Г. Семеновой, собрание не протоколировалось, в зале «присутствовало 80 человек, среди которых было немало представителей либеральной фракции ЛО СП» (Там же. С. 487).

111 Приказ Председателя Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР № 00220 от 5 ноября 1964 года. М.: [КГБ СССР], 1964. С. 10. (Ведомственное издание с грифом «Совершенно секретно»; благодарим Евгению Лёзину за возможность с ним ознакомиться.)

необоснованно заведенных ДОР в эти годы всерьез беспокоила Москву и вызвала осенью 1964 года специальный приказ председателя КГБ СССР В.Е. Семичастного, где отмечалось:

Нередко дела агентурной разработки заводятся на основании лишь субъективных предположений оперативных сотрудников о возможной причастности отдельных советских граждан к шпионской и иной враждебной деятельности без наличия достоверных данных о проводимой ими подрывной работе. По этой причине во многих местных органах КГБ возникает и прекращается значительное количество бесперспективных дел.

Такая порочная практика отвлекает оперативные силы и средства от борьбы с действительными врагами, объективно ущемляет права отдельных советских граждан, и тем самым наносит ущерб делу обеспечения государственной безопасности¹¹².

Нежелание подвергнуться критике вышестоящего (московского) начальства¹¹³, а также внутренняя уверенность ленинградских чекистов (не лишённая, заметим, веских оснований) во враждебности Бродского советскому политическому строю требовали «результативного» закрытия дела в установленный инструкцией срок. Он истекал весной 1964 года.

В ноябре 1963-го публикацией газетного фельетона «Окололитературный трутень» ленинградский КГБ приступил к завершению «дела Бродского» по заранее, летом 1962 года, разработанному упомянутым Н.И. Грудониной в письме генпрокурору Руденко заместителем начальника 2-го отдела ленинградского КГБ полковником П.П. Волковым сценарию.

---

112 Там же. С. 2.

113 Отметим, что в декабре 1964 года начальник ленинградского КГБ полковник Шумилов получит повышение и станет генерал-майором (см.: Из переписки Фриды Вигдоровой и Глеба Семенова. 1964—1965. С. 487). По-видимому, одновременно с ним аналогичное повышение в чине получил и куратор дела Бродского полковник Петр Петрович Волков, тогда же назначенный директором спецшколы № 401 КГБ СССР.